

Дмитрий Седов

НАШ

ПРЕЗИДЕНТ

Дмитрий Седов
Наш Президент

«Издательские решения»

Седов Д.

Наш Президент / Д. Седов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-983913-8

Эта книга о том, как влияют и могли бы влиять политические процессы, происходящие в России, на жизни наших соотечественников.

ISBN 978-5-44-983913-8

© Седов Д.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ 1	6
Глава I	6
Глава II	15
Глава III	32
Глава IV	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Наш Президент

Дмитрий Седов

Большинство событий в этой книге вымышлено, сходства или совпадения, скорее всего, случайны.

Все имена и персонажи в этой книге вымышлены, любые сходства или совпадения случайны.

© Дмитрий Седов, 2020

ISBN 978-5-4498-3913-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ 1

Глава I

– Я ничего ни у кого не крал, – уверенно произнес с экрана старенького телевизора высокий человек с сытым спокойным взглядом.

Он выдержал паузу и невозмутимо посмотрел на телеведущих.

– Да нет, ну мы, разумеется, понимаем, – скептически поморщился в ответ один из журналистов, – что все ваши миллиарды вроде как заработаны честным путем. Вроде как сам, своими силами, своей головой... Но, все ведь знают, что это было советское достояние. Ваши концерны, фабрики... Это то, что поднимали и развивали наши родители, строили еще в те времена... Я сам родился при советской власти, моя мать на комсомольской стройке возводила один из ваших заводов. Может быть, вам хотя бы сейчас, спустя столько лет, нужно сказать им спасибо, людям того времени, той эпохи...

– Повторю, я ничего ни у кого не крал, – бесцеремонно прервал его кандидат в президенты. – Не я придумывал и осуществлял приватизацию. Не я, поймите. Да, я ею воспользовался. Но я работал в рамках существовавшего законодательства того времени. Так какие тогда ко мне претензии? Если я кому-то и могу сказать спасибо, то только своим родителям. За то, что воспитали меня свободным и самостоятельным, дали мне хорошее образование, с раннего детства прививали мне любовь к труду и все время повторяли, чтобы я шел и работал, а не лежал на диване. И я трудился, работал с ранних лет по пятнадцать часов в сутки. В юности, например, я разгружал вагоны для того, чтобы у меня были карманные деньги. Поверьте, я не всегда был богатым.

– Вот вы все время говорите, – произнес другой журналист в студии, – что нашей стране нужен не царь, а менеджер. Вы и себя, насколько мне известно, считаете профессиональным управленцем. Ну, как же, одно из ваших предприятий – крупнейшее в мире по производству драгоценных и цветных металлов. Но ведь очевидно, что вашей личной заслуги в этом минимум. Этот завод был построен давно, построен не вами. А сами вы ничего не создали. Вы, говоря откровенно, пришли на все готовое и сколотили себе капитал.

– Я уже много раз отвечал на это, – вздохнул оппонент журналиста. – Отвечу еще раз. Вначале девяностых коммунистическая партия, которой вы так гордитесь, бросила свои заводы и фабрики. Забыла о наших гражданах, о целых городах, которые эти предприятия обслуживали. Все это буквально валялось под ногами, с огромными долгами, и никому не было нужным. Простые люди остались без средств к существованию. Никто из красных директоров не желал заниматься тем, что они сами же и развалили. Никто из них не делал попыток что-нибудь изменить. А потом пришло наше поколение: молодое, неопытное. Мы взяли на себя ответственность за людей, которые по году не получали зарплату. Им было не на что есть, они не могли платить за лечение, за детские сады. Мы приобрели эту убыточную, ни на что не годную в то время собственность и принялись ее поднимать. Мы работали по восемнадцать часов в сутки.

В студии раздался негромкий смех.

– Одну секундочку, Дмитрий Михайлович, – пытаюсь скрыть красноречивую улыбку, уточнил телеведущий. – Давайте все проясним. Значит, заводы просто валялись, на тот момент не работали и ничего не стоили, долги у всех этих предприятий были огромными, а вы, такие вот молодые и инициативные, их подобрали и затем, не жалея сил, в поте лица спасали от банкротства? И ведь спасли! Я все правильно понимаю?

– Да, – по-прежнему невозмутимо кивнул журналисту кандидат в президенты. – Вы все правильно понимаете, именно так и было.

Камера показала его лицо крупным планом. Дмитрий Михайлович смотрел в глаза миллионам телезрителей. Открыто, без тени улыбки, как часто смотрят учителя на нерадивых учеников младших классов. Было решительно непонятно: он и правда верит в то, что говорит, или же спустя столько лет все еще продолжает держать многомиллионную аудиторию за круглых, ничего не соображающих идиотов.

Константин Сергеевич отвел взгляд от телевизора, скрипнул зубами и медленно покачал головой. На его скулах заходили желваки.

– Как же вас такая земля носит, а? – очень тихо, сквозь зубы произнес он. И, вновь исподлобья посмотрев на экран, хрипло добавил: – Иуда...

– Ну, хорошо, – тем временем продолжил ведущий, – тогда проясните для всех нас еще одну ситуацию. Я знаю, что, будучи в команде молодых и неопытных своих соотечественников, которые, по всей видимости, вместе с вами разгружали вагоны, вы подписали контракт с одной из крупных американских компаний на продажу всего кобальта, производимого в России, на многие десятилетия вперед. Я хотел бы напомнить всем нашим телезрителям, – подчеркнул журналист, мельком посмотрев в камеру и подняв указательный палец вверх, – что кобальт – это уникальное вещество, которое широко применяется в таких отраслях, как космонавтика и авиастроение. Без этого материала невозможно построить ни ракетный, ни авиационный двигатели. Кроме того, кобальт повсеместно применяется в металлообработке. Он незаменим при изготовлении режущих и других специальных инструментов. Любая модернизация всегда сильно страдает от недостатка кобальта. Американцы же, после подписанного вами контракта, увеличили цену на кобальт в несколько раз, и наши оборонные предприятия остались ни с чем. Вот я и хочу вас спросить, вы что, считаете, что оборонять нашу страну не нужно? Или это на самом деле ваш просчет, ваша ошибка? Или, может быть, вы, находясь и работая в России, любите какую-то другую страну и считаете, что думать надо о ней в первую очередь?

– Прежде чем задавать настолько безграмотные вопросы, – ничуть не смутившись, начал объяснять гость программы, – вы потрудились бы изучить суть дела. Вы ее не знаете совершенно. Мы купили...

– Нет, позвольте, – перебил его телеведущий, – американская компания подарила вам в качестве бонуса за эту сделку две фабрики: в Австралии и в Финляндии. Так что кто-кто, а я-то как раз суть дела знаю очень хорошо. А вот куда они делись, это, конечно, еще вопрос.

– Послушайте меня, не перебивайте, – повысил тон кандидат в президенты. – Суть дела лучше знаю я, а не вы. Эти фабрики мы у этой компании купили. Купили, я подчеркиваю,

а не получили в подарок. Это была наша собственность. К сделке это никакого отношения не имело. Наш кобальт...

– За наш кобальт вы купили две фабрики, – не отступал журналист, красноречиво жестикулируя.

– Нет, – терпеливо возразил его оппонент, – это неправда. Фабрики мы купили за деньги, а затем, в процессе деятельности использовали сеть американских партнеров. Закон это не запрещал. Я хотел бы попросить вас: пожалуйста, не обманывайте, что мы...

– А что делать нашим стратегическим предприятиям, если вы весь кобальт продали? – упрямо гнул свою линию телеведущий.

– Да все наши предприятия развалили красные директора, – не выдержал гость программы. – Они все закрылись, понимаете? Если до этого в России потребность в кобальте была порядка шестидесяти-семидесяти процентов, то на тот момент – только два. Потому что промышленность остановилась. Ее не стало. И уничтожили ее коммунисты. Они, и только они. Что нам оставалось делать? Не платить зарплату рабочим? Складируют этот кобальт и ждать, когда предприятия поднимет кто-то другой? Да мы их сами и поднимали, строили новые заводы и сейчас, кстати, наша потребность в кобальте возросла уже до десяти процентов.

Константин Сергеевич отвернулся от телевизора. В уголках его глаз блеснули слезы.

– Отморозки... Подонки... – процедил он и сжал кулаки так сильно, что хрустнули пальцы. – Я на оборонку всю жизнь... верой и правдой...

Он перевел взгляд на сервант, где за стеклом стояла раскрытая красная корочка.

«Герою Социалистического Труда
Тов. Бурову Константину Сергеевичу

За выдающиеся успехи, достигнутые при сооружении и освоении проектных мощностей Ленинградского Северного завода и смежных с ним предприятий,

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР УКАЗОМ от 15 марта 1978 года
Присвоил Вам звание Героя Социалистического Труда.

Москва – Кремль, 21 марта 1978 г.»

И две подписи снизу – председателя и секретаря.

– Подождите, Дмитрий Михайлович, – тем временем вступил в беседу третий журналист. – Вот давайте конкретно, без этой словесной воды. Вы можете сказать прямо: была сделка или нет? Вы продали кобальт зарубежной компании или не продавали?

– Наша страна получает хорошие налоги, – уверенно произнес тот, – у нас тысячи рабочих мест, все в порядке, нам не о чем волноваться.

– То есть, это правда – кобальта у страны нет? Вы на много лет вперед этот кобальт продали?

– Кобальт у нас есть, мы...

– Нет, я понимаю, у вас-то он есть, а я про страну...

Кандидат в президенты сделал небольшую паузу, глубоко вздохнул.

– В стране кобальт есть, но нет потребности в кобальте. Потому что нужно восстанавливать экономику, которую развалили коммунисты. Вот мы, то есть, наше поколение, как раз этим занимались тогда и занимаемся сейчас.

– Так у вас же было для этого целых двадцать лет! – выкрикнул кто-то из зала.

Но гость программы уже взял себя в руки и никак не отреагировал.

– Да-да, двадцать лет, – согласно кивнул один из телеведущих, – и позвольте, я вам напомню, что вы вместе с теми, с кем разгружали вагоны, занимаетесь теперь восстановлением нашей экономики, выведя практически все свои активы за рубеж, в офшорные зоны. Из почти трехсот предприятий в России, которые можно отнести к системообразующим, в налоговой зоне нашей страны не осталось ни одного! Какое восстановление? Любой человек может представить себе масштабы катастрофы. И после этого вы еще утверждаете, что кого-то в России спасли?

– Это абсолютное вранье, – с негодованием взмахнул руками кандидат в президенты.

– Это не вранье, это факты, подтвержденные документами...

– Послушайте, – было заметно, что Дмитрий Михайлович прилагает невероятные усилия для того, чтобы казаться спокойным. – Я прошу прощения, но, очевидно, что вы, как экономист абсолютно безграмотны. Все наши активы находятся и работают в России. Мы платим налоги здесь. Я, чтоб вы знали, один из самых крупных налогоплательщиков в этой стране. Все наши инвестиции здесь. А офшоры необходимы только для того, чтобы привлекать иностранный капитал в российскую экономику. Это знает сейчас любой первокурсник.

– Ах, вот оно что... Вот, оказывается, зачем вы используете офшоры...

Камера переключилась на телеведущих. Один из них, закрыв рукою лицо, беззвучно смеялся. Его коллеги, не сумев совладать с собою, широко улыбались. Гости программы, сидевшие в зале, буквально зашлись от смеха.

Не выдержав, Константин Сергеевич потянулся к столу, взял пульт и резким движением переключил канал.

На экране появилась другая студия. Она была оформлена в синих тонах. В центре за круглым столом сидел мужчина в черном строгом костюме. Напротив него занимали места многочисленные участники программы.

– ... и потому в наши дни, в наше время, – говорил один из присутствовавших, обращаясь к человеку, сидевшему в центре зала, – очень актуален вопрос о коррупции. Сергей Сергеевич, можно ли услышать, что конкретно вы намерены предпринять для противодействия коррупции, в том числе и в высших эшелонах власти, в случае избрания вас на пост президента?

– Вы знаете, – начал отвечать на вопрос кандидат в президенты, – я мог бы сейчас сказать много слов о том, что еще нам нужно сделать для борьбы с коррупцией; какие механизмы по противодействию ей обсуждаются сегодня в правительстве; насколько важно создание общественного контроля за деятельностью власти в тех сферах, где элементы коррупции развиваются в первую очередь. Но, на мой взгляд, на эту тему за прошедшие двадцать лет было сказано столько всего, что народ давно все выучил наизусть и, попросту говоря, устал от переливания из пустого в порожнее. Никто уже давно не верит словам. Поэтому, в первую очередь, я хотел бы отметить и даже прилюдно признать, что меры по борьбе с коррупцией, предпринятые правительством в прошлом, оказались далеко не столь эффективными, как ожидалось. Государственные службы, которые борются с этим злом, где-то действовали недостаточно жестко, где-то недостаточно оперативно, а где-то, – тут гость программы выдержал многозначительную паузу, – и недостаточно профессионально. Конечно, большая доля ответственности за это лежит на власти. Эти ошибки, к сожалению, уже не исправить, так как время ушло. Но я хотел бы заверить всех граждан, которые отдадут за меня свой голос, что, в случае избрания меня на пост президента России, я возьму борьбу с коррупцией под свой личный контроль уже с мая месяца. Это будет совершенно новый подход, совершенно новые, чрезвычайные меры. И в эффективности этих мер вы все сможете убедиться достаточно быстро. Я даю своим избирателям слово, что через год, максимум два, коррупции у нас в стране практически не останется.

Камера показала участников дискуссии общим планом. Большинство из них слушало речь очень внимательно, но на лицах людей читались явное недоверие и скептицизм.

– Это очень неожиданное заявление, – осторожно подбирая слова, произнес ведущий. – Сергей Сергеевич, вы не могли бы изложить сказанное более подробно? Какие конкретно меры по противодействию коррупции планируются проводиться вами и вашей командой в случае победы на выборах?

– Знаете, я не готов сейчас излишне конкретизировать. Как говорится, всему свое время. И я, конечно же, понимаю, что это вопрос доверия, и только доверия. Но, поверьте, борьба с коррупцией в случае избрания меня на эту должность, будет протекать совершенно в ином русле, нежели сегодня, и с совершенно иными последствиями для коррупционеров. Я, кстати, хотел бы, пользуясь возможностями вашей программы, обратиться ко всем, кто совершает или планирует совершать любые противоправные действия, в том числе, и в обсуждаемом направлении. Остановитесь! Предупреждений больше не будет. Это – последнее.

Камера показала лицо кандидата в президенты крупным планом. Ни тени улыбки. От холодного взгляда становилось не по себе. Формально не было сказано ничего, что не звучало бы раньше. Но все почувствовали, что на мгновение в студии повисла атмосфера скрытой угрозы и невидимой, но вполне реальной опасности.

Константин Сергеевич не спеша взял со стола початую бутылку, налил в стопку водки и, поморщившись, выпил ее одним коротким движением. Водка жгла и царапала горло. Пенсионер закашлялся.

– Кость, – позвала жена, неслышно войдя на кухню. – Ну что ты снова себя изводишь? Посмотрел бы лучше, что там с этим краном в ванной. Течет ведь!

Буров даже не обернулся. Немного постояв у двери, женщина тяжело вздохнула, махнула рукой и удалилась обратно в комнату.

– Хорошо, – удовлетворенно продолжил ведущий. – Тогда у нас следующий вопрос. Господин Самойлов, прошу вас, только, если можно, покороче.

Высокая девица с микрофоном в руках изящно подошла к мужчине лет пятидесяти и поднесла к его лицу микрофон, дав возможность говорить так, чтобы всем в студии было слышно.

– Самойлов Игорь Арсеньевич, журналист, – негромко представился тот. – Сергей Сергеевич, вы сегодня в течение почти трех часов много говорили о том, что собираетесь сделать, будучи избранным на пост президента Российской Федерации. Со стороны выглядит все очень грамотно, и оценка действительности, конечно, чувствуется профессиональная, но, на мой взгляд, иной раз звучит слишком обще и достаточно неопределенно. Не могли бы вы сформулировать основные задачи, которые собираетесь решать в самом ближайшем будущем, вот прямо по пунктам, и хотя бы приблизительно озвучить предполагаемые сроки этих решений. То есть, если можно, подведите итог встречи, так сказать. Чтобы все стало ясно и совершенно прозрачно.

– Вы, как всегда, берете быка за рога, – пошутил кандидат в президенты. – Я, надо сказать, к этому вопросу был готов и, конечно же, на него отвечу. Единственное, мне хотелось бы сразу разделить внутреннюю и внешнюю политику государства. Президент страны несет ответственность за все в равной степени. Но, тем не менее, это совершенно разные задачи. И потому пути их решения тоже очень разные. Вас, я так понимаю, интересует в первую очередь внутренняя политика, то, как будут развиваться дальнейшие события у нас в стране?

– Да, – ответил и несколько раз кивнул журналист.

Без микрофона его голос был почти не слышен.

– Хорошо, я понял. Думаю, никто не станет спорить, что проблем накопилось, и решить их все в сжатые сроки – нереально. Можно браться за все сразу, но эффективность такого подхода, как показывает история, будет не слишком высокой. Это ведь не только у нас происходит, но и за рубежом. На примере мировой практики мы много раз наблюдали, что из подобных реформ получалось, и чем все заканчивалось. Поэтому я хотел бы попросить моих избирателей набраться терпения. В том плане, что все решения будут внедряться максимально оперативно, но обязательно поэтапно. Если хотите, это некое подобие очереди. Знаю, многим это покажется странным или даже несправедливым. А почему, мол, сначала это, и только потом вот то... Почему одно считается важным, а другое менее важным, и так далее. Подобное недоумение мне, как человеку, понятно. Но, повторяю, другого пути у нас нет.

Сергей Сергеевич, собираясь с мыслями, сделал небольшую паузу.

– Смотрите, – снова продолжил он. – Выборы президента проходят в марте. Инаугурация состоится в мае. И мои основные задачи на первый год следующие. Уже в июне-июле я

заморожу тарифы на все услуги ЖКХ. Все, без исключения. Уже сейчас у нас подготовлен ряд законов, которые будут приняты в самую первую очередь, в оперативном порядке. Тарифы всех монополистов, в том числе и государственных, будут тщательно контролироваться. Также, будет жестко контролироваться деятельность управляющих компаний, и не только в крупных городах, но и в самых отдаленных районах провинции. Как долго продлится мораторий на повышение тарифов, я сказать не могу. Но то, что он будет действовать в течение всего срока моего возможного пребывания у власти, я гарантирую. Далее идет топливо. Вопрос один из самых первостепенных, я считаю. На него многое замыкается. Уже к августу цена на бензин опустится, как минимум, в два раза. Вообще, планируем опустить в два с половиной – три раза в течение лета, но, как минимум – в два. Если сейчас цена на бензин в среднем составляет 30 рублей за литр, то к осени я гарантирую цену в 15 рублей по всей стране. Естественно, ни о каком ухудшении качества топлива тут речь не идет. За этим тоже будем следить особенно тщательно.

Константин Сергеевич, всю жизнь будучи заядлым автолюбителем, отвел взгляд от экрана, криво улыбнулся и сокрушенно покачал головой. Было заметно, что в студии на лицах многих тоже появились недоверчивые улыбки.

– Далее, – развивал мысль кандидат в президенты. – К концу сентября в два с половиной – три раза поднимем заработную плату большей части работников бюджетной сферы. Особо хочу подчеркнуть, что сейчас я говорю не об аппарате чиновников, у них пока все останется на прежнем уровне. Я говорю в первую очередь о преподавателях, тружениках здравоохранения, работниках детских садов и так далее. Сейчас заработная плата в этих сферах в среднем по стране составляет восемь тысяч рублей. К концу осени эта цифра вырастет до двадцати трех-двадцати пяти тысяч. Затем следующий этап. В ноябре-декабре планируем резко повысить пенсии. Здесь показатели у жителей Москвы и регионов значительно различаются. Но в среднем по стране выходит около шести-семи тысяч рублей, что, конечно, в нынешних условиях абсолютно недопустимо. К Новому году, но не раньше – повторю, что мы планируем делать все строго поэтапно – пенсия в регионах составит восемнадцать-двадцать тысяч рублей. Это самый минимум того, что люди будут получать, без всяких надбавок. И последний этап – военный сектор. Этой области я и моя команда уделим особое внимание. В течение следующей зимы серьезно поднимем зарплату военным. Там очень сложный расчет, во многом зависит от условий службы, регионов службы. Но, если говорить грубо, младший офицерский состав менее пятидесяти тысяч рублей получать не будет. Показатели заработной платы старшего офицерского состава будут начинаться с девяноста тысяч рублей и выше. Параллельно развернем программу по обеспечению наших военных жильем. Причем, акцент будет сделан не на системе их проживания в государственных квартирах в период несения службы. Новое жилье будет предоставляться военным на правах собственности. Вот эти конкретные пять задач я и моя команда планируем решить в течение ближайшего года. Крайний срок – следующая весна.

Сергей Сергеевич налил в стакан воды, сделал несколько глотков, негромко кашлянул и с готовностью посмотрел на ведущего.

– Что же, – ошарашенно продолжил тот, обращаясь к телезрителям, – наша почти трехчасовая программа подходит к концу. Настало время последнего вопроса. Пожалуйста, прошу вас.

Девушка, услышав разрешение, послушно подошла к полному мужчине в последнем ряду и поднесла к нему микрофон.

– Копылов Григорий Александрович, доктор политических наук, профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО, – степенно представился тот. – Сергей Сергеевич, собственно, так получилось, что ответ на вопрос, который я собирался задать изначально, уже прозвучал. Вы тему финансирования бюджетной сферы затронули еще в середине нашей встречи, и ответили исчерпывающе. Спасибо. Потому вместо вопроса у меня к вам будет пожелание. Или просьба, если так можно сказать. Причем, я вполне уверен, что с подобной просьбой к вам хотели бы обратиться очень многие люди в нашей стране.

После этих слов девушка с микрофоном с тревогой посмотрела на кандидата в президенты и ведущего. Но те сидели совершенно спокойно и внимательно слушали то, о чем говорил профессор.

– Я понимаю, – продолжал Копылов, – что официальный формат передачи, прямой эфир обязывает всех нас держаться в политкорректных рамках. Мы вынуждены подбирать мягкие формулировки и иной раз не называть вещи своими именами. Но я скажу откровенно и, может быть, даже несколько жестко. В последние месяцы все мы могли наблюдать, как с особой настойчивостью под вывеской оппозиционных движений к власти рвутся те, кто виновен во многих бедах нашей страны. Те, кто в девяностые и в начале двухтысячных своими действиями нанес огромный ущерб России и ее населению. К ним присоединяются люди, которые ставят своей целью любыми способами, невзирая ни на какие потери, свергнуть существующую власть и установить в государстве свой порядок: коммунистический, националистский или либеральный. Потоки лжи, исходящие от этих людей, факты сговора их с политическими силами запада, факты получения ими всевозможных грантов от наших геополитических противников – все это вызывает определенное беспокойство у многих наших соотечественников и у меня лично. В последнее время на митингах, проводимых этой так называемой внесистемной оппозицией, все чаще звучат сомнительные лозунги вперемешку с агрессивными призывами двигаться на Кремль или еще куда-то. Все чаще звучат обещания прийти к власти и многих из сегодняшнего руководства посадить, без суда, как говорится, и без следствия. При этом, мы все помним, что попытки добиться своей цели подобными методами всегда приводили и приводят к тысячам жертв. И понятно, что те, кто кричат все это с трибун, сами в столкновениях участвовать не собираются. Но народ на это толкают. И вот встает закономерный вопрос: а кто в случае чего будет погибать? Те, кто все это устраивает? Нет, не они. Погибать будут люди, которым сегодня на площадях обещают якобы свободу, независимость и лучшую жизнь. В общем, по этому поводу можно долго говорить и много спорить. Но суть моей просьбы к вам следующая. Сергей Сергеевич, я и многие граждане нашей страны собираемся голосовать за вас. Все мы понимаем: то, о чем вы говорили сегодня, безусловно важно, безусловно первостепенно. Но я хотел бы вас попросить. Если вы будете избраны президентом, то, кроме всего прочего, пожалуйста, постарайтесь сделать все, чтобы не допустить прихода к власти мошенников из девяностых и примкнувшую к ним группку людей с весьма сомнительными и, не побоюсь этого слова, очень опасными взглядами. Я много общаюсь как со студентами, так и с другими нашими соотечественниками, и могу с уверенностью сказать, что народ России не хочет крови, не хочет революций, не хочет погибать ради того, чтобы горстка проходимцев решала свои политические задачи и удовлетворяла свои политические амбиции. Спасибо.

– Вы знаете, – кивнув, спокойно произнес кандидат в президенты, – в любой стране мира перед выборами всегда наблюдается всплески протестной активности. Люди выходят на улицы, хотят быть услышанными. Это совершенно нормально. Мы готовы разговаривать с оппозицией, всегда готовы на конструктивный диалог. Но проблема в следующем. Я, к при-

меру, наблюдая со стороны за всеми этими маршами, не вижу, с кем конкретно можно было бы там разговаривать. Очень разные люди, очень. С разными требованиями, с разными, порой, кстати, экстремистскими взглядами. Они даже между собой никак не могут договориться. Вот, помнится, у них самих проходили выборы в какой-то не то совет, не то еще во что-то... По результатам победил один человек, так другие тут же подняли вопрос о честности выборной процедуры. Уже внутри самой оппозиции, понимаете? То есть, они даже друг другу не доверяют, сомневаются в своих же коллегах. И, понятно, что результаты любых выборов можно таким образом подвергать сомнению, объявлять нелегитимными. Это проще простого: если результаты устраивают, значит, выборы законные; если что-то не нравится, то тут же начинают кричать о фальсификациях. Никакого конструктива, я считаю, в такой позиции нет и быть не может. Но, тем не менее, для каждого человека, в том числе и для них, дорога во власть через демократические механизмы всегда открыта. Пожалуйста, пусть избираются и реализовывают свои программы без всяких революций и мятежей. Только так.

Камера снова показала лицо кандидата в президенты крупным планом. Он пристально смотрел на задавшего ему вопрос профессора и вдруг – как показалось Бурову – в какой-то момент коротко, почти незаметно ему кивнул. Так, как кивает человек, который хочет пообещать что-то другому, но, при этом, не желает подавать виду. Затем Сергей Сергеевич благодарно осмотрел зал и перевел взгляд на ведущего, уже объявлявшего об окончании передачи.

Константин Сергеевич выключил телевизор, снова налил себе водки и еще долго сидел со стопкой в руке, отрешенно смотря в окно и раздумывая об услышанном.

Глава II

Борис Трофимович Нырцов лежал на жесткой шконке и отрешенно рассматривал облупившийся потолок. Каждую трещинку, каждое пятнышко на старой краске он уже знал наизусть. Шконка и тонкий тюремный матрац были до того жесткими, что лежать без движения долго не получалось. Мышцы и позвоночник постоянно ныли, вынуждая ерзать и почти непрерывно переворачиваться с боку на бок. Более или менее комфортно можно было лежать только на спине, лицом вверх. И вот тогда перед глазами – потолок. На него и любуйся. Нырцов тяжело вздохнул. Хорошо еще, что он расположился на втором ярусе. Хоть какое-то разнообразие.

Приняли его в камере довольно прохладно. Когда он вошел и представился, оказалось, что заключенные его знали. Всем троим явно было за сорок. Все трое москвичи. Но один, как потом выяснилось, в девяностых долго жил в области, где Борис был полпредом и губернатором. И когда вечером первого дня Нырцов попытался затеять с сокамерниками разговор на политическую тему, начав с того, что привычно обвинил нынешнюю власть в воровстве и коррупции, его сосед брезгливо ощерился и сухо перебил:

– Ворье, говоришь, во власти? А ты сам-то кто был? Кончай гнать беса, земля.

Разговора не получилось.

Кроме того, в первый же день пришлось отдать сокамерникам одеяло и старенькую, свалывшуюся подушку. Двое из них сидели за воровство, третий за разбой. Кто знает, что у этих людей на уме, и что им еще терять? Забрали и все. Нырцов молча вздохнул, понимая, что целых пятнадцать суток придется обходиться без одеяла. Но ничего. Потом это обстоятельство можно даже будет обернуть в свою пользу. Мол, в камере нечеловеческие условия. Ни одеял, ни подушек не дают, под голову приходится ботинки подкладывать. Настоящая пытка. Вот, точно! Пытка! Борис перевернулся на бок и поискал глазами свою обувь внизу. Вроде, на месте. Не слишком ли – ботинки под голову? Да ладно, нормально. Газетки с блогерами проглотят.

В общем, как-то так получилось, что общаться с ним сокамерники желанием не горели. Сидели своей компанией за столом и целыми вечерами играли в карты. Сегодня одного из них под конвоем выводили куда-то минут на сорок. Вернулся он очень довольный и, когда за сотрудниками спецприемника закрылась железная дверь, вытащил из кармана смартфон, с виду напоминавший китайскую подделку на один из известных брендов. В устройстве имелась функция телевидения и небольшая выдвижная антенна. Теперь эти трое, как дети в детском саду, столпились у зарешеченного окна и наперебой давали друг советы, пытаясь расположить новую игрушку в пространстве так, чтобы она поймала слабый сигнал. Иногда им это ненадолго удавалось, и тогда на экране смартфона появлялось нечеткое изображение, а из динамика еле слышно доносились то голоса дикторов, читающих новости, то музыка из какого-то старого известного фильма.

Борис вздохнул. Он снова перевернулся на спину и уставился в потолок.

...

Сегодня после обеда, наконец, удалось увидаться с женою. Вообще-то, несанкционированные свидания даже с близкими родственниками в спецприемнике были строго запрещены. Нырцов привычно пустил в ход деньги, но конвоиры двух предыдущих смен его настойчивые попытки подкупа категорически отвергли.

– А как же борьба с коррупцией, оппозиционер хренов? Как же закон, который один для всех? – с презрением переспросил Бориса один из них. – На площадях трепешься об одном, а на деле сам не прочь взяточку предложить?

– Да какая взятка? – Нырцов сделал удивленное лицо и попытался все перевести в шутку. – Это... Это подарок. Новый год же!

– Пшел! – грубо отреагировал сотрудник спецприемника, сильно толкнув его сзади в плечо. А потом, когда они сделали несколько шагов по длинному коридору, еле слышно процедил: – Сука.

Но, в конце концов, ему удалось добиться желаемого. Утром третьего дня начальник дневной смены, сунув в карман предложенные купюры, разрешил Борису созвониться с женою, а после обеда отвел его в комнату для свиданий, предупредив, что у них есть максимум час, не больше. Переступив через порог, он увидел, что супруга уже сидела за казенным длинным столом – встревоженная, озабоченная, сильно напуганная. Нырцов сел напротив.

– Привет, Ир, – стараясь казаться бодрым, поздоровался он.

Борис расспросил ее о дочери, о родственниках, о маме. Поинтересовался, что слышно от адвоката и от друзей. Попросил рассказать, что пишут о его аресте в сети. Жена отвечала спутанно, односложно. Складывалось впечатление, что ее мысли занимало нечто совсем другое, и ей было все равно, как реагировала общественность на то, что одного из главных оппозиционеров страны снова заключили под стражу.

– Боря, – в конце концов негромко произнесла она. – Борь, вот скажи мне, тебе сколько лет?

– Пятьдесят восемь, – помолчав секунду, недоуменно ответил Борис.

– Пятьдесят восемь, золотце мое, – покачав головою, многозначительно повторила супруга. – Слушай, хватит страдать ерундой, заканчивай ты с этими митингами. Пустое все это.

– Ты чего? – нахмурился Нырцов.

– Да ничего. Ты посмотри на себя. Тебе уже к шестидесяти, седой весь. А ведешь себя, как пацан.

– Ну ты о чем вообще, Ир? Не видишь, что ли, они страну грабят, суды уничтожили, Конституцию растоптали напрочь. Ты понимаешь, что скоро...

– Да хватит уже полоскать мозги мне всем этим дерьмом, – повысив тон, перебила его супруга. – Страну и Конституцию ему жалко... Я с тобою столько лет прожила, меня-то «лечить» не надо. Я тебе не этот безмозглый планктон на площади.

Ирина сделала паузу и уже спокойнее продолжила:

– Ты в девяностых был на самом вершине, еще чуть-чуть и, возможно, вообще бы оказался на его месте. А потом тебя из движения исключили. Сбросили вниз. И теперь о тебе ОМОН ноги вытирает, да вон по ящику каждый день высмеивают. Вот это тебя и бесит, Боря, жить спокойно не дает уже столько лет. Именно это, и ничего больше. Ну, я тебя умоляю, ты мне-то про страну и Конституцию не ври. Противно слушать.

Она с укоризной посмотрела на мужа. А он с досадой отвернулся в сторону.

– У тебя был шанс, Борь, – нервно усмехнулась жена. – Был хороший реальный шанс. И ты его благополучно упустил. Я это знаю, и ты это знаешь. Признайся самому себе: поезд ушел, ушел без тебя, Боря. Ушел уже очень давно и погудел тебе на прощание. А ты остался на станции стоять. И сколько теперь руками не размахивай, сколько щеки не надувай, не догнать тебе его уже, не получится. Да, обидно. Да, могло все сложиться иначе. Но вышло вот так. Плюнь и забудь, бывает. Вы с приятелями в былые времена и так неплохо поураганили, многим в стране о таком мечтать и мечтать!

– Да перестань ты уже про приятелей, – упрямо мотнул головой Нырцов. – У него вон все друзья стали долларовыми миллиардерами. Ты про их бывший кооператив слышала? Ты хоть представляешь себе, какие они деньги гребут?

– Да какой кооператив? Какие деньги? – Ирина прикрыла глаза рукою и устало потерла лоб. – Ты что, действительно ничего не понимаешь? У тебя у самого рыльце не то что в пуху... Оно у тебя в десятисантиметровой щетине. Если под тебя копнуть, то такого можно накопать, что... Тебя... Тебя посадят... И не на пятнадцать суток. А на пятнадцать лет.

Она отвернулась к узкому окну, стараясь справиться с гневом.

– Тихо, тихо, Ир, ты чего? – Нырцов перешел на шепот и с опаской осмотрел стены и потолок. – А ну, перестань, возьми себя в руки.

– Да мне-то что, я нормально, – супруга вздохнула и посмотрела на него уже спокойнее. – Меня удивляет, что ты уже давно не в состоянии реально смотреть на вещи. Заигрался ты во все это, Боря. Вконец уже заигрался. Ты и правда считаешь, что, если туфтой про воровство и кооперативы получилось задурить мозги сотне-другой идиотов, то теперь за тобой уже полстраны и можно пытаться революции устраивать? Подстрекать толпу – это опасное дело, Борь. Очень опасное.

– Какие революции, что ты несешь? – фальшиво рассмеявшись, отмахнулся Нырцов.

– Какие революции? Ты, когда с броневику и трибун свою ахинею про власть несешь, впечатление складывается именно такое. Впечатление, что вы прямо спасение народное, не иначе. Все вокруг ворье, а ты один такой в белом. Ну, сам подумай, сколько это еще может продлиться?

Супруга испытующе смотрела на мужа.

– Если ты действительно хотел сделать что-то такое, – чуть помолчав, назидательно добавила она, – нужно было стараться раньше. Раньше, Боря. Лет пятнадцать-двадцать назад. А сейчас...

Нырцов несогласно шевельнул плечом.

– Я бы мог, пожалуй, пролезть в Государственную Думу.

– Ишь ты какой, – издевательским тоном фыркнула Ирина. – Смотрите-ка, в Думу он хочет. А что же ты тогда выборы мэра несколько лет назад проиграл, да еще с таким разрывом? А?

– Фальсификации... – воодушевленно произнес Борис. – Слушай, да там же такое творилось, просто не передать! Там же все, вот понимаешь, все от начала и до конца шито белыми нитками.

– А у тебя всегда всё шито белыми нитками, – устало улыбнулась жена. – Всю жизнь. Как только что-то идет не так, как ты хочешь, так сразу везде заговор и фальсификации... Знаешь, если я тебе этого не скажу, то тебе ведь никто не скажет. Не обижайся, но народ уже давно в вас не верит. Не верит в тебя, Боря. В тебя в том числе. Потому-то и проиграл ты тогда.

Она усмехнулась и разочарованно покачала головой. В этот момент дверь приоткрылась и начальник смены, зайдя в комнату, дал понять, что свидание окончено.

...

Борис отвлекся от размышлений и раздраженно перевернулся на бок. Теперь прямо перед его лицом была стена камеры, окрашенная серой масляной краской. На краске виднелись несколько небольших вмятин, и читалась неровная надпись, сделанная каким-то острым предметом: «Шура-Царь, Измайлово, 2010». В далеком 2010-ом году тот, кто лежал на этой шконке и целыми днями раздумывал о своей жизни, решил вот таким образом оставить о себе память на тюремных стенах. А что останется после него? После Нырцова Бориса Трофимовича?

Самое досадное, что его супруга была права. Права во многих очевидных вещах. Вести за собой податливую людскую массу, влиять на сознание, поведение всех этих офисных хомячков... Да, ему это нравилось. Он ведь по природе был лидером. Ну, что тут скажешь? И неважно, что при этом приходилось все время врать и чаще обычного выдавать желаемое за действительное. Неважно, что приходилось лицемерить, говоря в лицо людям одно, и за глаза совершенно другое. Все вокруг лицемерят и врут. Нырцов был в этом уверен. Ну, одной ложью больше, одной меньше – какая разница?

Свой первый опыт манипулирования людьми Борис получил в далеких семидесятых, будучи еще подростком. В их квартире, которая располагалась на последнем этаже пятиэтажного дома, тогда потек один из радиаторов отопления. Дом был не новым, система отопления в нем эксплуатировалась уже очень давно. Батарея просто отслужила свое и, как всякая износившаяся вещь, требовала замены. Если бы радиатор или одну из труб прорвало, вода мигом бы затопила не только их собственное жилище, но и все четыре квартиры, располагавшиеся внизу.

Потому, дождавшись окончания отопительного сезона, Трофим Давыдович – отец Бориса – оставил заявление в местечковом ЖЭУ, в котором просил слить воду из системы отопления и заменить отслуживший свое радиатор на новый.

Но простейшее, казалось бы, дело неожиданно для всех затянулось на долгий срок. Такого рода работами в ЖЭУ руководил начальник участка по фамилии Свинарь. Вообразив, что Трофим Давыдович затеял перепланировку квартиры с целью благоустройства, он принялся вымогать у отца деньги, мотивируя это тем, что подобная перепланировка невозможна без всякого рода согласований и разрешений. Кроме того, в ЖЭУ не оказалось нужных радиаторов и взять их тогда якобы было негде. Ко всему прочему, это тоже добавляло проблем.

Все попытки Трофима Давыдовича вежливо и спокойно разъяснить обстановку, не принесли результата. И тогда отец стал писать жалобы в вышестоящие инстанции, требуя повлиять на строптивного мастера. В конце концов, его заявления возымели действие. Одна из таких инстанций обязала ЖЭУ в срочном порядке произвести необходимый ремонт. Воду тут же слили. Трофим Давыдович, чтобы не затягивать процесс, заплатил сантехникам за радиатор с черного рынка, те поставили его вместо старого, и инцидент, казалось бы, был исчерпан.

Но не тут-то было.

После начала отопительного сезона один из стояков в их квартире перестал прогреваться. Тепла не было у всего подъезда, вплоть до первого этажа. Соседи тут же забили тревогу, мерзнуть никому не хотелось. В дом к Нырцовым зачастили сантехники, которые снова и снова осматривали новую батарею, пытались выгнать воздух через выпускной клапан, вполголоса обсуждали конструктивные недочеты и сетовали на воздушную пробку, мешавшую циркуляции в трубах.

Время шло. Стояк не работал. В квартирах становилось все холоднее. И тогда соседи принялись звонить в ЖЭУ все настойчивее, требуя разобраться с проблемой. Вот тут-то начальник участка и воспользовался моментом, припомнив отцу, что тот отказался платить причитающуюся ему мзду. На звонки и заявления жильцов Свинарь отвечал лаконично: в вашем доме на последнем этаже была осуществлена перепланировка, в частности были изменены инженерные сети и незаконно отоплен пол, что и явилось причиной непрогрева стояка и возникновения ситуации, в которой система отопления не функционирует должным образом.

С этого момента для Трофима Давыдовича жизнь превратилась в муку.

В ответ на его попытки объяснить жильцам, что никакой перепланировки он не делал и полов не отапливал, неслись сначала упреки, потом откровенные грубости, а после и вовсе угрозы. Все его старания убедить соседей, что не менять радиатор было опасно, поскольку это угрожало затоплением всех квартир, заканчивались оскорблениями и руганью в его адрес. Однажды, выходя из подъезда вместе с отцом, Борис стал свидетелем, как старушка, проживавшая на втором этаже, со злобным криком замахнулась на них своей тростью. Отец увернулся, и наконецник, скользя по его щеке, оставил на коже лишь неглубокую ссадину. Даже отойдя от дома на приличное расстояние, они все еще продолжали слышать проклятья, которые соседка выкрикивала им вслед.

Никакие доводы и аргументы больше не действовали. Все, с кем Трофим Давыдович на протяжении долгих лет поддерживал хорошие соседские отношения, с кем годами общался,

к кому частенько заходил в гости и с кем, бывало, выпивал по выходным и по праздникам, в один миг отвернулись и стали считать его своим личным врагом. Ему припомнили еврейское происхождение. Ему ставили в укор замкнутый образ жизни. На отца даже написали несколько ложных доносов, будто бы он систематически портил общедомовое имущество, резал в щитках у соседей телевизионные и телефонные провода, а также воровал лампочки на лестничных клетках. Неулыбчивый участковый, который по долгу службы вынужден был реагировать на каждую такую бумагу, стал приходить в их квартиру по несколько раз в неделю и, получая от Трофима Давыдовича письменное объяснение по поводу каждой жалобы, аккуратно подкалывал их в толстую черную папку.

Отца, а заодно и всю их семью, перестали замечать. С ними перестали здороваться. Объявление Трофима Давыдовича о том, что он не имеет никакого отношения к неработающему стояку, написанное им в вежливой форме и повешенное на входе в подъезд, тут же сорвали и бросили в почтовый ящик, снабдив многочисленными ругательствами. У людей случилась беда. Людям нужен был виноватый. Никого из них не интересовало, как на самом деле обстояли дела. И тонкий знаток психологии пролетариата мастер Свиляр, которому было неохота заниматься проблемой, в нужный момент показал жильцам на того, кто вполне подходил на роль козла отпущения.

Через месяц, под Новый год, систему отопления все-таки прокачали. Трое угрюмых слесарей, поочередно открывая и закрывая вентили в теплопункте, освобождая и вновь заполняя контуры водой, наконец, выгнали воздух из стояка, который тут же и заработал, как новенький. В квартирах стало тепло. Проблема исчезла. И потихоньку соседи вновь стали здороваться с семьей Нырцовых, беспечно спрашивать их при встрече «Ну, как дела?» и иногда заходить к ним в гости с просьбами одолжить немного сахара или спичек.

Все наладилось. Но Борис на всю свою жизнь запомнил, как той осенью на его глазах происходило нечто совершенно невероятное. Всего один человек, преследуя свои корыстные цели сумел направить агрессию толпы в сторону от себя; смог отвлечь внимание жильцов от реальной проблемы и заморочить им голову проблемой мнимой, несуществующей; повернул все так, что взрослые люди, среди которых были и хорошо образованные, как будто по мановению волшебной палочки превратились в стадо баранов, готовых послушно двигаться в направлении, которое им указывали.

В дальнейшем, раздавая брошюры у станций метро или крича с трибуны политические призывы, Борис часто видел перед глазами образ наглого мастера Свиляра и своих бывших соседей, которых тот умело заставил блеять.

Нырцов улыбнулся и осторожно перевернулся на спину.

Эх, Ира-Ира, откуда же в тебе столько пронизательности? Вот так, запросто, взяла и высказала ему все, что хотела. Да, дело не в стране, и не в Конституции. И, конечно, не в том, что кому-то жить хорошо, а кому-то плохо. В сущности, так ведь было всегда. Просто в девяностых хорошо жилось одним, и плохо другим. А теперь хорошо третьим, и плохо четвертым. Наедине с собою Борис неизменно старался оставаться искренним. И потому был полностью согласен со своею супругой. На самом деле, ему не давал покоя лишь один очевидный факт:

он, так привыкший жить и работать во власти, в двадцать первом веке, увы, во власть не попал. А ведь вполне мог бы.

В девяностых годах жизнь Бориса Трофимовича Нырцова была похожа на рай. В тридцать лет – полпред Президента РФ. В тридцать с небольшим – губернатор. К сорока годам – федеральный министр. Еще чуть позже – высокая должность в Правительстве. Власть, большие деньги, узнаваемость, целые министерства в подчинении. То, что у большинства людей не получалось сделать за всю их долгую жизнь, он мог оперативно решить одним телефонным звонком. К такому привыкаешь мгновенно. И расставаться с такими вещами всегда ой как не хочется. Эти десять лет были десятью годами настоящего счастья. Золотые, лучшие его дни. У каждого человека в жизни должно быть такое время.

А началось все с ваучеров.

В тот день ему позвонил Толя и, со свойственной ему прямоотой, спросил:

– Борь, ты, я слышал, сейчас в Москве?

– Ну да.

– Вечером сегодня как? Занят чем-то?

– Да нет вроде, пока ничего не планировал.

– Ну так подгребай к Егору на Старую площадь после всей своей суеты. Посидели бы, по рюмахе бы. Давно тебя не видел, уже соскучился.

В трубке послышался негромкий издевательский смех.

– А кто еще будет?

– Егор, да я. Кого тебе еще надо? Давай-давай, подходи, подождет тебя твоя провинция, никуда не денется.

Поздно вечером, когда они сидели в кабинете у Егора и распивали модный в те времена «Абсолют Цитрон», разговор, как это обычно бывало, зашел о последних днях существования СССР. После очередного госта за назначение Анатолия на новую должность, Борис будто невзначай спросил:

– Слышь, Толя, ну, раз ты теперь такой большой человек, может, пояснишь, что там с советским госимуществом-то?

– Ишь ты, какой приткий, – невнятно хмыкнул Егор, сосредоточенно жуя бутерброд с красной икрой. – На чужой каравай рот не разевай!

– Ой, да ладно, – шутливо огрызнулся Борис. – С каких это пор имущество страны советов стало для меня чужим?

Егор многозначительно закатил глаза и не ответил.

– Да имущества-то навалом, – ответил Толя, вытирая пальцы салфеткой. – Вопрос только в том, как им правильно распорядиться. Дело-то, сам понимаешь, непростое и довольно масштабное.

– Очень непростое дельце, очень – повторил изрядно захмелевший Егор, подняв указательный палец вверх. – Настолько непростое, что обычными средствами ничего и не решить. Нужны альтернативные, гибкие варианты.

– О, слышал? – подмигнул Толя и кивком показал Борису на товарища. – Сколько бы ни выпил, а тему всегда сечет.

Нырцов в ответ улыбнулся.

– Да есть тут, на самом деле, у нас одна идея, – уже серьезнее продолжил Толя, ловко разливая водку по рюмкам. – Как говорит Егор: альтернативная. Но, конечно, пока еще откровенно сырая, требует, так сказать, изрядной доработки.

– Ну так и расскажи ему, Толик, – Егор потянулся, взял свою рюмку и, прикрыв один глаз, театрально посмотрел сквозь нее на товарищай. – Может, чего дельного посоветует.

– Короче, сейчас там продвигают этот закон дурацкий... – стал объяснять Толя, сделав жест, приглашающий друзей выпить. – Ну, тот, что еще летом запустили. Суть простая: у населения будут личные счета, на которые граждане вносят средства для оплаты приватизируемого имущества. Счета будут именными; соответственно вклад продать нельзя, передать тоже. Общая такая, мутная схема. И сразу ясно, что в нашей обстановке не сработает. Ни о чем.

Он сделал паузу, выпил, внимательно осмотрел блюдо с бутербродами и, выбрав себе тот, что побольше, продолжил:

– А я, если в двух словах, буду предлагать вот что. Форсировано оцениваем все имущество России и, соответственно, получаем некую сумму его общей стоимости. Затем на эту сумму выпускаем ценные бумаги. Ну, так называемые приватизационные чеки. Причем, что очень важно, они обязательно должны быть именованными. Номинал каждого чека рассчитаем, исходя из цифр переписи населения. В одни руки – один такой чек. Под роспись. Скажем, пусть одна такая бумага будет иметь номинал тысяч пять рублей. Ну или семь...

– Десять! – резко перебил его Егор и постучал ногтем по столу. – Именно десять тысяч! Ни больше, ни меньше. Круглая цифра идиотов к себе как магнитом притягивает. К тому же, по расчетам именно на нее мы в конечном итоге и выйдем, я уже все прикинул.

– Да ладно, – остановил товарища Толик. – Это, по большому счету, вообще без разницы. Реальная стоимость приватизационного чека все равно не будет иметь никакого отношения к его номиналу. Ну, хорошо, напишем десять, если тебе так нравится. Я не против.

Он равнодушно махнул рукою и, вновь повернувшись к Борису, закончил мысль:

– Затем выпускаем эти ценные бумаги и раздаем населению. Мол, вот вам современное средство, инструмент. За него вы можете получить в собственность некоторую часть государственного имущества. Любого доступного имущества, в каком угодно регионе России, без разницы. То есть, человек за приватизационный чек приобретает пакет акций – очень небольшой, конечно же – и официально становится акционером какого-нибудь заводика. Ну или конструкторского бюро. Ну или еще чего интересного. Вот, собственно, и все. Как тебе задумка?

– Правильно! – рубанул воздух рукой раскрасневшийся Егор. – Скажем каждому жителю нашей державы: ты же, мол, гражданин великой страны. А у великой страны есть имущество: заводы и фабрики. Этот чек и есть часть имущества России. Твоя часть! Забирай! А, звучит?

Толя довольно закивал в ответ и заерзал на стуле, неуклюже задев локтем графин с апельсиновым соком.

– А в чем тут изюм? – недоуменно переспросил Борис, размышляя над услышанным. – Чем это лучше схемы с персонифицированными счетами?

Анатолий рассмеялся и с видом победителя посмотрел на Егора.

– Видал, Егорка? Я же тебе говорил, что сходу никто ничего не поймет. Фактически беспронятный вариант.

Егор наигранно вздохнул и сочувственно посмотрел на Нырцова своими заплывшими глазками.

– Ну ты что, Борь, совсем лох, что ли? – выдержав паузу, спросил он. – Ну ты же вроде не лох! Неужели не ясно, что будет дальше?

Борис неопределенно пожал плечами.

– Во-о-о-от, – заговорчески протянул Толя, понизив голос и с видом фокусника разливая по рюмкам «Абсолют». – А дальше случится самое интересное. Население у нас в общей массе настолько инертное, что реально никто ничего за свой единственный чек выкупать никогда не станет. Посуди сам, Борь. Ну, окажется, допустим, абстрактный дядя Вася из гаража акционером какого-нибудь «Газпрома», пустив в дело свой чек. Ну, будет он получать за свой пай двадцать несчастных рублей в год. Или пятьдесят. Или сто. Оно ему надо? Это же копейки! С другой стороны, перед его глазами будет маячить конкретная цифра на ценной бумаге – ее номинал. А это уже не двадцать рублей, и не сто. Это целых пять тысяч рублей! И не через год, а сразу!

– Да не пять, а десять! – возмущенно поморщился Егор.

– Ну, хорошо-хорошо, пусть будет десять! – вновь отмахнувшись от друга, кивнул Толик. – Тем более! Целых десять тысяч в одном флаконе! И выглядит все это правдоподобнее некуда – государство в рамках программы приватизации фактически дарит своим гражданам по десять тысяч рублей. Делай с ними, что хочешь. Ты согласен, Борь?

– Ну, не знаю, – помолчав несколько секунд, ответил Нырцов с сомнением в голосе. – Как-то все слишком сложно и...

– Да нет же, – с легкой досадой перебил его Толя. – Нет! Ничего сложного, напротив, все просто как дважды два! Вот госимущество. Вот выпущенная специально под него ценная бумага. Вот чек, который тебе положен по закону. Забирай, пользуйся! Что тут сложного?

Он вопросительно посмотрел на Бориса.

– Ну хорошо, допустим, а дальше что? – все еще с сомнением в голосе спросил тот.

– А дальше все как по нотам, – довольно хлопнул в ладоши Анатолий. – Как только все эти чеки окажутся в руках у населения, то большая его часть, скорее всего, тут же побежит их продавать, попытается обратить в деньги. В реальные деньги, понимаешь? Я абсолютно уверен, что приватизационные чеки в течение нескольких следующих лет станут чем-то вроде неофициальной народной валюты. Ими будут расплачиваться друг с другом, их будут продавать и покупать. В обменных пунктах у чеков появится свой собственный курс к рублю и доллару. Ну, Борь, ты сам подумай: если такой чек лежит дома на полке или в комод, то, с точки зрения обывателя, это просто красивая бумажка с совершенно неясными перспективами. А попади такой чек, скажем, в скупочный пункт, то для обывателя он сразу превратится во вполне осязаемые несколько тысяч рублей. Неплохая прибавка к пенсии, как говорится. И, самое главное, нахалюву. А это ведь для нашего быдла родной, понятный язык. Привычная, ясная схема: если уж дают нахалюву, то надо не мешкая хапать и сразу же продавать. Ты чего не закусываешь, милый друг? Бери вон нарезку, не стесняйся.

Борис взял предложенный ему кусок мяса и, пожевав, хмыкнул.

– А те, кто воспользуются моментом и по дешевке скупят основную часть этих чеков... – задумчиво протянул он и вдруг замер, ошарашенно посмотрев на приятелей. – Погодите, ведь это же...

– О, смотрите-ка, – язвительно произнес Егор и коротко хохотнул. – Не прошло и полгода. С десятой подсказки наш полпред начинает соображать.

Нырцов, внезапно осознав размах и масштаб задуманного, от неожиданности даже выпрямился в кресле и на несколько секунд потерял дар речи. Он молча смотрел на приятелей, изо всех сил стараясь понять – разыгрывают они его или нет.

– Но и это еще не все, Боря, – хитро улыбнулся Анатолий. – Далеко не все. Есть еще одна немаловажная деталь. Еще один принципиальный момент, без которого вся эта схема не выглядит полностью завершенной. Знаешь, что должен будет сделать владелец большого количества приватизационных чеков перед тем, как приватизировать то или иное предприятие? Ну, если речь идет о чем-то более или менее крупном, конечно. Мелочевку всякую в расчет не берем.

– Спросить у кого-то разрешения? – сокрушенно покачав головой, грустно улыбнулся Борис. Теперь вся задумка была у него как на ладони. И как же он сразу не сообразил, что к чему?

– Именно! Спросить разрешения! И не у кого-то, а у нас. Потому что этот чудесный закон будет позволять нашему, и только нашему, комитету без объяснения причин запрещать при-

ватизацию любого объекта. Бинго! – тут Толя улыбнулся еще шире и победно развел руками. – Ну, давайте теперь за канувший в лету СССР. Туда ему, убогому, и дорога.

Друзья дружно рассмеялись, чокнулись рюмками и с удовольствием выпили.

– Так что скажешь? – спросил Егор, легонько толкнув Бориса локтем. – Как тебе план?

Нырцов снова пожал плечами.

– Не знаю... – помедлив, ответил он. – Все-таки чересчур сложно, на мой взгляд. Схема невнятная, для многих неочевидная. В нее не поверят. Нужно что-то более понятное, доступное. Чтобы уж наверняка. Ну вот скажи, Толь, как ты планируешь заставить сто миллионов человек встать с дивана и толпиться в очередях за какими-то очередными фантиками? Они и слов-то таких не знают: «приватизация», «госимущество», «акции».

– Это вообще не проблема, – мельком заметил Анатолий. Он открыл бутылку пива и, вопросительно посмотрев на Егора, добавил: – Отполируем?

Его приятель, громко икнув, согласно мотнул головой.

– Давай и мне тогда уж, – попросил Борис.

Толик не торопясь разлил пиво по стоявшим на столе трем высоким бокалам.

– Это, Боря, как раз-таки вообще не проблема, – цокнув языком, небрежно повторил он. – Ты пойми, с народом нужно разговаривать только на понятном ему языке. А какой самый понятный язык для нашего народа? Правильно, язык под названием «халява». Хотя, я с тобою в чем-то согласен. Возможно, имеет смысл дополнительно промотивировать электорат. Объявим, к примеру, что по нашим прогнозам реальная стоимость каждого чека через несколько месяцев станет равной... ну пусть стоимости одной «Волги». Или даже двух. Для верности.

– А с чего бы такому чеку стоить как «Волга»? – ухмыльнулся Борис. – Что за бред-то?

– Да какая разница? – перейдя на низкий шепот, наклонился к Нырцову Егор. – Кого это волнует? Вбросим информацию в массы, она свое дело сделает. А если еще и срок получения чеков ограничить, то будет вообще цирк. Увидишь, народ за ними не просто пойдет, а победит сломя голову. Только бы успеть, не проворонить такое неслыханное счастье. Драться друг с другом в очередях за эти бумажки будут, помани мое слово.

– Да, все верно, – согласно закивал Анатолий. – Срок выдачи обязательно нужно ограничить. Это тоже немаловажно. Тем не менее, все эти нюансы – второстепенные, так или иначе решаемые. Но, кроме всего прочего, есть одна действительно серьезная проблема. Уже без шуток.

– Да? – заинтересованно спросил Борис. – И в чем проблема?

– А в том, Боренька, что уже через несколько лет после начала приватизации общество расколется на две категории: на тех, кто стал миллиардерами, и тех, кто не стал. На всех остальных то есть. Через лет десять, максимум двадцать очень многие люди очнутся и начнут задавать

вопросы. Серьезные, вполне закономерные вопросы. Им ведь будет казаться, что их обманули. Да, свои чеки они вроде как сами продали. Но ведь могли и не продавать. А может, вообще надо было не продавать, а скупать. Ситуация, прямо скажем, создастся неоднозначная. Неравенство в народе достигнет чудовищных масштабов. У горстки избранных в руках окажется все, а у остальных – ничего, дырка от бублика. И вот тогда...

Толя сделал паузу, жуя очередной бутерброд.

– Мне сейчас тридцать шесть, – с набитым ртом продолжил он. – Через десять-пятнадцать лет я, с твоего позволения, планирую еще немного пожить. И желательно безбедно и спокойно пожить. Да и Егор, я уверен, тоже будет не против еще попылеть, потоптать.

Борис не удержался и улыбнулся шутке.

– Но это все, конечно, в очень отдаленной перспективе, – неопределенно пожал плечами Толя и, прищурившись от удовольствия, отпил прохладного пива из своего бокала. – Придумаем на эту тему что-нибудь, успеем. Времени еще вагон.

– Да чего тут думать? – с пониманием дела отмахнулся Егор. – Будем говорить, что СССР обанкротился, а мы спасали страну от бандитов или вон, от коммунистов. Мол, они всю собственность себе незаконно пытались забрать, а мы им этого не позволили. Прикинемся дурачками, согласимся: да, в приватизации случались перегибы, ошибки, просчеты; да, она была не всегда справедливой. Но, главное, что она была законной! В конечном итоге, все имущество цело, оно не ушло за бесценку криминалу и западу. Так что, по-любому, мы – герои своего времени!

Толя, немного помолчав, дружески обнял товарища и согласно рассмеялся:

– Ну да, Егорыч, да. Что-то вроде такого.

...

«А ведь и правда, ничего идея, – думал Борис, прогуливаясь вечером по Старой площади. – Конечно, пока это еще только набросок, требующий изрядной доработки. Но такие ребята, как Егор и Толик, свое дело знают, не зря в тридцать с небольшим лет уже в Кремле сидят».

Декабрьский мороз приятно щипал лицо. Ветер поднял стремительную, похожую на легкий дымок, позёмку. Люди, встречавшиеся ему по пути, торопились по своим делам, шли, не обращая друг на друга никакого внимания. Борис на секунду остановился, плотнее застегнул пальто и, неуклюже поскользнувшись, продолжил путь.

«Ведь, действительно, – снова углубился он в свои мысли, – выдай прямо сейчас приватизационный чек вон той пожилой женщине с елочными игрушками или вон тому студенту с наушниками, что, неужели побегут выкупать у государства собственность? Да какое там... Скорее всего, на следующий же день продадут его перекупщикам, потратят полученные деньги на какое-нибудь барахло и будут по уши довольны прекрасной, по их мнению, сделкой. А этот мужик в звании капитана? Или продавец сосисок в тесте? Или вон те три подвыпившие девицы с неумело размалеванными косметикой лицами? Кто из них захочет возиться с полубитым

металлургическим комбинатом в далекой Сибири или требующим изрядных вложений аэропортом где-нибудь на Дальнем Востоке? Да никто, это же ясно, как божий день. Молодцы, ребята. Ай, молодцы. Интересно, кто из них это придумал? Скорее всего, первоначальную идею выдал, конечно, Егор. А Толик ее развил, оперативно снабдив всеми недостающими деталями. В этом он мастер... Но вот интересно, как они планируют убеждать старика? Он же не дурак, сразу поймет, что к чему, и как все выйдет в итоге. Скорее всего, заартачится, станет настаивать на других решениях. Это же Росси-и-и-и-я, мол, куда прете? А может, он уже в доле, и убеждать никого не требуется? Ладно, время покажет. В любом случае, сегодняшний вечер оказался невероятно полезным. Мне, ребятки, ваша столица и не нужна, у меня у самого область, почти как Ленинградская, мне и ее хватит. Информация – просто клад. Главное теперь ее правильно воспользоваться и не прощелкать момент».

Да, область, действительно, была не из маленьких. И на посту губернатора Нырцову работало легко и непринужденно. Он быстро вошел в роль, почувствовав себя полноправным хозяином. Москва была далеко, там хватало своих проблем, контролировать его было некому. И потому здесь, на месте можно было творить практически все, что было душе угодно.

У него появились новые друзья. Появились новые партнеры. Борис обрел репутацию человека, через которого можно было оперативно решать вопросы. «Заплати и действуй», любил повторять он. И люди платили. Принятие постановлений, выгодных местным бизнесменам; лоббирование законов, дававших его партнерам и приятелям дополнительные возможности по выкачиванию денег из области; предоставление губернаторских гарантий по возврату кредитов... Нырцов охотно брался за все. Но главной своей сделкой он не без гордости считал приватизацию здешнего целлюлозно-бумажного комбината.

К девяносто третьему году Борис заматерел, оброс жирком и поднялся на качественно новый уровень экономических отношений. Среди его друзей появились высокопоставленные граждане США, Великобритании и Германии. По местному телевидению все чаще показывали как он, в сопровождении членов политического и бизнес сообществ Запада вышагивал по строительным площадкам или появлялся в цехах различных предприятий области. Однажды представители небольшой немецкой компании завели с Нырцовым непринужденный разговор о крупнейшем в этих краях промышленном комбинате. Поначалу это были лишь поверхностные, осторожные вопросы, которые не возлагали на стороны никаких конкретных обязательств. Но вскоре Борис получил от своих партнеров предложение, углубившись в суть которого, он понял, что настал его звездный час.

Всю схему приватизации объекта он разрабатывал лично, от начала и до конца. Дело было серьезным. А народная мудрость гласит: «Если хочешь сделать что-то хорошо, сделай это сам». Раз за разом прокручивая в голове все будущие действия и возможные варианты развития событий, он монотонно и тщательно устранял потенциальные просчеты и слабые места своего проекта; не торопясь составлял и корректировал список нужных людей, которым предстояло стать его непосредственными участниками; снова и снова проверял номера счетов и все формальные основания будущей переброски средств, придумывая каждому звену по две-три страховки для верности. Схема обрастала многочисленными уровнями, получалась сложной и громоздкой. Но Бориса это не пугало. Чем запутаннее, тем лучше. Будет труднее разобраться, если запахнет жареным.

Потом он много раз встречался со своими немецкими партнерами, без устали проговаривая с ними все детали до тех пор, пока не возникало твердой уверенности в том, что те понимали, как все должно проходить, и что следует предпринять в случае, если возникнут сложности. Немцы смотрели на его наброски, слушали его выкладки, согласно кивали и цокали языком. Они фактически приняли его в свой круг, он стал одним из них, и от осознания этого у Бориса неизменно возникало чувство гордости и приятной, возбуждающей эйфории.

Наконец, в день, когда все было готово, он, несколько минут молча постояв у окна, решительно подошел к телефону, набрал нужный номер и произнес в трубку:

– Ну что, вы на старте? Тогда все по плану. Мы начинаем.

И схема, придуманная им, пришла в движение.

Съездив несколько раз в Москву и затем оперативно отдав несколько местных распоряжений, Нырцов добился того, что процветавшее на тот момент предприятие было объявлено государственной собственностью, нуждавшейся в инвестициях. Поначалу, разумеется, никто ничего не понял, и это было Борису только на руку. Приватизации комбината предшествовало проведение инвестиционного конкурса по продаже тридцати процентов его акций. Желание участвовать в конкурсе было у многих, но Нырцов довольно легко сумел устроить все так, чтобы единственным участником стала та самая немецкая компания, с которой он вел переговоры уже много недель. Разумеется, эта компания конкурс и выиграла. Инвесторы, которых не допустили до участия, направили жалобу в Совет безопасности Российской Федерации. Но у Бориса все было просчитано до мелочей. Нужные люди в столице уже были в курсе, спустили потенциально опасный запрос на тормозах. Дело замяли.

По условиям конкурса – которые умело корректировал снова он же, Нырцов – в случае, если победитель выполнял требования инвестиционной программы и вкладывал в развитие комбината несколько миллионов долларов, уставной капитал предприятия увеличивался на пятьдесят процентов путем выпуска новых акций. Эти акции незамедлительно и совершенно безвозмездно передавались инвестору. Таким образом, благодаря Борису, немецкая компания без каких-либо препятствий вообще получила в собственность контрольный пакет акций целлюлозно-бумажного комбината. В течение последующего года она почти полностью скупила у работников оставшуюся часть ценных бумаг и стала полновластным хозяином предприятия. В конечном итоге, немцы в максимально короткий срок получили крупнейший российский комбинат стоимостью сотни миллионов долларов всего за пятнадцать миллионов.

«Гении, – с довольной улыбкой думал Борис, вспоминая Толика с Егором и просматривая банковские выписки по своему личному счету. – Просто непостижимо! Гении!»

Потом было еще несколько сделок, правда, менее крупных. Потом – работа в Москве, сначала в министерстве, затем в правительстве. Благодаря связям, Нырцов шел по карьерной лестнице семимильными шагами и больше не общался с бизнесменами средней руки. Он полностью перешел на международный уровень. Очень многих людей на Западе и Востоке интересовали богатства молодой России. Нефть, газ, металл, лес, морские живые ресурсы... Не все, но очень, очень многие вопросы можно было решать чиновнику его уровня. Простая формула «Заплати и действуй» стала его девизом. И люди снова платили. Возможностей богатеть на новой должности стало гораздо больше, но следовало все время быть начеку. Ведь те, кто

в перспективе могли свалить его почти с самой вершины, теперь находились гораздо ближе и имели возможность проследить его каждый шаг. Каждый.

Началом конца стал теракт в 2002-ом. Террористы захватили здание, в котором находилось несколько сотен людей, и выдвинули к власти абсолютно невыполнимые требования. Ни одна страна в мире не пошла бы на выполнение подобных условий, а потому ситуация быстро превратилась в безвыходную и затянулась без каких-либо перспектив разрешения ее мирным путем. Критическим моментом стал расстрел террористами невинного человека, пытавшегося без предупреждения проникнуть внутрь строения. Это нагнало изрядного страха на многих, кто находился снаружи и внимательно следил за происходившим. Борис, который к тому времени ушел из правительства и возглавлял одну из политических партий, оказался в числе тех, с кем террористы были согласны разговаривать. Он хорошо помнил то чувство, когда настало время идти на встречу с захватчиками. Ощущение панического, смертельного ужаса, сковывавшего движения и мешавшего здраво рассуждать. Ноги не слушались. Поджилки тряслись, как у нашкодившего первоклассника. Нырцов не знал, куда деть руки, дрожь которых не мог унять никакими усилиями. Сделав с группой переговорщиков несколько робких шагов по направлению к зданию, он понял, что это и есть предел его личных возможностей. Черта, за которую он переступить не сможет, даже невзирая на имидж. Бежать обратно было слишком нелепо и Борис, не найдя идеи получше, вытащил из кармана мобильник, сделав вид, что ему необходимо ответить на важный звонок. Те, кто шел вместе с ним на переговоры, с недоумением смотрели, как он, отвернувшись в сторону, дрожащим голосом что-то говорил в трубку. Зловещая пауза затягивалась. С одной стороны – политик, который задерживал весь процесс по какому-то пустяковому поводу. С другой – измотанные осадой заложники и террористы, в любой момент готовые на убийства. Случайно подоспевшее решение закономерно принесло свои плоды. Никто из его коллег не стал начинать разбирательство, так как время было слишком дорого, а ситуация слишком накалена. Пошли без Нырцова. А он благополучно вернулся назад и, продолжая делать вид, что обсуждает по телефону неотложное дело, слился с толпой и исчез из поля зрения телевизионных камер.

Кончилось все трагично. Власти не пошли на выполнение требований преступников и дали силовикам команду начинать штурм. По вентиляции был подан усыпляющий газ, который лишил террористов возможности сопротивления, но одновременно подействовал и на тех, кто находился под их контролем. ОМОН вошел в здание, расстрелял захватчиков, и сразу же после этого началась эвакуация заложников. Людей, находившихся в бессознательном состоянии, выносили на улицу и грузили в автобусы чтобы оперативно доставить в московские больницы и оказать помощь. Страшное, жуткое зрелище. Картина, которую лучше вообще никогда не видеть.

Странно, но впоследствии Борису не снились ни выжившие, которых клали в автобусы прямо на пол, ни убитые террористами люди, ни даже те, кого чудом удалось освободить во время переговоров с захватчиками. Во сне его преследовало лишь чувство, которое он испытывал, идя осенью 2002-го года навстречу опасности. Ощущение непреодолимого страха перед возможностью быть застреленным в самый разгар своей успешной карьеры.

Последствия не заставили себя долго ждать. СМИ и общественность не простили ему такого поступка. Еще долгое время в прессе обсуждался его замаскированный побег с места трагедии. Ведущие телешоу демонстративно задавали неудобные вопросы, снова и снова вынуждая Бориса повторять перед телекамерами выдуманную впопыхах ложь. В сети появилось множество карикатур и дискуссий о том, проявил ли известный политик трусость в тот

момент, когда народу нужна была его помощь. Политический рейтинг Нырцова стремительно покатился вниз. Даже те немногие, кто симпатизировали ему, отвернулись. Люди окончательно перестали ему доверять. В 2003-м партия под его руководством проиграла выборы и не прошла в Государственную Думу. Борьбаться и оправдываться было уже бессмысленно. И Борис решил переждать, подав в отставку, и на какое-то время исчезнув с политической сцены.

Но долго оставаться в стороне от политики было невыносимо. Одно дело – находиться в совете директоров известного банка. И совсем другое – быть на самой вершине во власти, принимая непосредственное участие в управлении всей страной. Тот факт, что банк, в котором работал теперь Нырцов, неожиданно оказался фигурантом громкого процесса, связанного с незаконным отмыванием средств, по сути ничего не менял. Второй немаловажной причиной его поспешного бегства с терпящего бедствие судна являлось желание вернуться туда, где были настоящая власть и деньги.

«Идиоты, – с досадой думал Борис, второпях сочиняя версию своего ухода из концерна. – Ну кто же печати однодневок и документы по черной кассе в офисе хранит? Совсем уже мозги у людей отшибло. Можно было все сделать хитрее, я ведь много раз объяснял как. Работали бы еще лет двадцать и горя не знали. Тьфу ты... Дилетанты чертовы...»

Упрек, высказанный Ирой, был, конечно, горьким, но справедливым. Выборы мэра в 2010-м он проиграл, факт. И причина крылась не в фальсификациях, тоже факт. Подтасовки, разумеется, были. Но в таком небольшом количестве оказать существенного влияния на результаты голосования они никак не могли. Дело было совершенно в другом. Правящая партия перехватила мяч и давно уже ведет игру на своем поле и по своим правилам. В итоге, в стране образовалась прослойка населения, которой, видите ли, нужна стабильность и безопасность. Которой, видите ли, жесткую руку подавай. И вот так, наскоком, сделать что-либо с таким менталитетом ой как непросто. А прослойка эта, кстати, весьма внушительная. По его прикидкам, процентов шестьдесят пять, не меньше. Это по самым скромным подсчетам. С такой поддержкой масс можно всю жизнь президентствовать и своих представителей на местах иметь. И как все это только могло случиться? Борису всегда казалось, что либеральные идеи – именно то, что могло прийтись по душе российскому электорату после стольких лет унижений и таких огромных людских потерь, а вот поди же ты... Не прижился либерализм в народе, не вышло. Отторг его организм огромной страны, как будто разглядел в либерализме чужеродную, враждебную ткань.

Но все это не означает, что нужно сидеть сложа руки и ничего не предпринимать. Да, сегодня реально что-то сделать не получается. И вряд ли получится. Кроме поддержки в народе у нынешней власти есть сила, деньги, законодательная платформа, в конце концов. Это понятно, с фактами не поспоришь. Но та же Ирка, например, совершенно не понимает одной простой вещи. Хотя участие во всех этих митингах и протестах, возможно, и выглядит со стороны бессмысленным в политическом плане, на самом деле, крайне важно для него, Нырцова, со стратегической точки зрения. Власть рано или поздно может оступиться. Может народу надоест. Да мало ли, что через пять или десять лет может произойти. Всякое ведь бывает. И что тогда? А тогда обязательно возникнет вопрос – кто теперь сможет возглавить страну, кому теперь доверить управление государством? Тем, кто только-только начнут заявлять о себе? Нет, конечно. Таких политиков никто в одночасье не примет. А вот люди, имена которых уже сегодня у всех на слуху – дело совершенно иное. Пройдет время, и те, кто сегодня выступают с трибун, объявляют голодовки, идут в первых рядах во время маршей протеста, в будущем имеют все шансы оказаться у власти. И неважно, что голодовки никогда

не доводятся до конца. Не страшно, что толпа частенько освистывает тех, кто кричит со сцены на митингах. Не имеет значения, что никакого по сути влияния на деятельность нынешнего правительства все эти протестные направления не оказывают. Главное – быть на виду, чтобы массы не забывали, кто стоял у истоков. А коллеги по движению не забывали тех, кто деньги давал. И немалые деньги, между прочим.

Его сокамерники, наперебой споря друг с другом, в очередной раз смогли поймать телевизионный сигнал, поднеся смартфон к оконной решетке.

– ... будем контролировать особенно тщательно, – послышалось из динамика сквозь многочисленные помехи. – К концу сентября в два с половиной – три раза поднимем заработную плату большей части работников бюджетной сферы. Особо хочу подчеркнуть, что сейчас я говорю не об аппарате чиновников, у них пока все останется на прежнем уровне. Я говорю в первую очередь о преподавателях, тружениках здравоохранения, работниках детских садов и так далее. Сейчас заработная плата в этих сферах в среднем по стране составляет восемь тысяч рублей. К концу осени эта цифра вырастет до двадцати трех-двадцати пяти тысяч.

Борис, вздрогнув, отвлекся от своих воспоминаний и повернулся к окну.

«Вот же выдумщик, а, – с неприязнью подумал он, внимательно вслушиваясь в такой знакомый для него голос. – Да где ты деньги-то на все это возьмешь? Снова напечатаешь, что ли?»

С обратной стороны тюремной двери загремели и заскрипели засовы. Через мгновение в камеру заглянул сотрудник спецприемника.

– Ужин! – бросил он равнодушно. – Шевелись!

Нырцов неуклюже слез со шконки и принялся обуваться.

Глава III

«Все самое совершенное – рядом с вами, – сверкнула лучезарной улыбкой женщина с экрана домашнего кинотеатра. – Магазин ювелирных украшений «Русское золото».

Глеб Альбертович Хлоповский сидел в глубоком кожаном кресле и невидящим взглядом смотрел на сменявшие друг друга рекламные ролики. Его мысли были далеки от товаров народного потребления, украшений и обаятельных женских улыбок. Хлоповский думал о своем бизнесе и о тех нелегких решениях, которые ему, очевидно, предстояло принять в самом ближайшем будущем.

Глебу Альбертовичу повезло родиться в середине шестидесятых, а потому к началу девяностых он подошел уже во вполне зрелом возрасте. Именно это и стало причиной его успеха. Родись он на пять-десять лет позже, то, скорее всего, ничего бы не получилось, так как эпоху сверхбыстрого первоначального обогащения пришлось бы проживать в детстве или совсем еще ранней юности. Но Хлоповский окончил школу в восемьдесят втором, а в девяносто втором уже был учредителем нескольких частных фирм, занимавшихся коммерческим посредничеством, в том числе, перепродажей нефтепродуктов. К девяносто пятому, используя свои обширные связи, он создал нефтяную компанию на базе одного из крупных нефтеперерабатывающих заводов, который после старта приватизации в считанные месяцы отчего-то был объявлен банкротом. С этого момента успех сопутствовал ему повсюду, за что бы он ни брался и какие бы проекты не начинал. Черное золото, проходившее через его руки, было всегда востребовано и порождало денежные потоки таких масштабов, которые миллионы российских граждан не видели даже в самых приятных снах. А связи в правительстве влекли за собою настолько перспективные расширения добычи и экспорта, которые менее удачливые нефтяники не смели себе представить даже в самых дерзких мечтах. Когда население страны стояло в очередях за выплатами зарплаты, Хлоповский уставал менять дома и автомобили, отели и виллы, яхты и самолеты. Когда Россия раз за разом пыталась выкарабкаться из кризисов, он сокрушался, что не может определить размер своего состояния, а может прикинуть лишь его примерный порядок. Уже тогда всего было столько, что не стоял вопрос о том, как все это приумножить. Его волновало лишь то, как все имевшееся в будущем защитить. И вот, похоже, настал тот самый момент...

Из размышлений его вырвал телефонный звонок. Глеб Альбертович взял со стола мобильник и посмотрел на дисплей.

«Метлыкин» – сообщил аппарат, без устали повторяя порядком надоевшую мелодию.

Хлоповский недовольно вздохнул. Помедлив пару секунд, он нехотя потянулся за пультом, приглушил звук в колонках, нажал кнопку ответа и безразлично бросил в трубку:

– Слушаю.

– Приветствую, Глеб Альбертович, – голос в мобильном, казалось, был чем-то сильно обеспокоен.

– И тебе не хворать, Николай Степанович.

Собеседник немного помолчал.

– Слушал? – наконец, спросил он.

– А ты как думаешь? – вопросом на вопрос ответил Хлоповский и поудобнее устроился в кресле. – Конечно, слушал.

– И что скажешь?

– Да ничего... А что тут можно сказать?

Метлыкин усмехнулся и снова немного помолчал.

– Брось, Глеб, я серьезно, – уже настойчивее продолжил он. – Ты, вообще, понял, что он там нес? Про пенсии, про военный сектор, и, главное, про топливо?

– Ну, понял. А что, нормальная такая программа... Предвыборная... Может, кто и поверит. Только мы-то здесь причем...

– Программа-то нормальная, тут ты прав, – перебив, согласился Метлыкин. – Но я не о самой программе, кому она к чертям сдалась-то. Я о другом.

– Да знаю я, о чем ты, Николай Степанович, знаю, – вздохнул Хлоповский. – Тебя волнует, где он на все это деньги возьмет, так?

– Именно.

– Ну, если хочешь знать мое мнение... Раз он так уверенно обещает, то... Думаю, средства отыщутся.

– И где же они отыщутся? – чуть повысив голос, буркнул в ответ Николай Степанович. – Ты хоть представляешь себе, сколько для всего, что он наобещал, нужно? И это не один раз, и не два, это каждый год, каждый месяц... А государство, насколько я знаю, и так уже последние пару лет на подсосе.

– Ну, конечно, – в голосе Хлоповского послышалось откровенное сомнение. – На подсосе...

– Точно тебе говорю, Глеб. Точно тебе говорю. Короче, на мой взгляд, это все очередная туфта для нищих. Мол, голосуйте за меня, я всех осчастливорю. А дальше хоть трава не расти. Сам понимаешь, такой денежный вброс в бюджет сделать совершенно нереально, по крайней мере, в адекватные сроки.

– Неправда, – еле слышно возразил Глеб Альбертович.

– Что значит неправда?

Хлоповский не ответил. Он поднялся с кресла, подошел к высокому окну и посмотрел на лужайку перед домом, освещенную тусклыми фонарями. Поодаль, у въездных ворот о чем-

то разговаривали друг с другом трое охранников. Один из них, докурив сигарету, щелчком отправил ее в направлении урны, но промахнулся, и окурочок, блеснув искорками в ночи, упал на гравий рядом с невысоким бордюром. Глеб Альбертович, раздраженно покачав головой, устало вздохнул.

– Так что неправда, Глеб? – нервно переспросил Метлыкин.

– А то и неправда. Деньги можно найти, и он знает где. И мы с тобою это тоже прекрасно знаем.

Голос в телефоне надолго смолк. Казалось, собеседник тщательно обдумывает услышанное.

– На это он не решится, – наконец, неуверенно произнес Метлыкин. – На это он точно не пойдет.

– А у него другого выхода нет, Коля. Сам ведь говоришь – государство уже давно с днища подсасывает. Поставь себя на его место. Что бы ты сделал в такой ситуации? По-моему, тут все ясно. Это простая математика, все как в начальной школе.

– И что, вот так, ни с того, ни с сего? Никого не предупреждая?

– И вот так, ни с того ни с сего, никого не предупреждая, – спокойно ответил Хлоповский. Он вернулся в кресло и, ослабив галстук, расстегнул воротник дорогой рубашки. – А ты каких предупреждений-то ждешь? Год вам на раздумье? Два? Пять? Или что? Ты же сам понимаешь, что к этому давно шло. Так, как было раньше, не могло продолжаться вечно.

Метлыкин негромко кашлянул.

– Нельзя не понимать того, к чему такое решение приведет, – сухо ответил он. – Это никому не выгодно. По всем ударит. В этом вопросе все объединятся, и черт с ними, с прошлыми обидами и личными антипатиями. У нас же активы, люди, связи, СМИ, в конце концов. На Западе, кстати, тоже молчать не станут, они уж точно в стороне не останутся...

– Брось, Коля, ты сам-то веришь в то, что несешь? – бесцеремонно перебил Хлоповский. – Мишаня, если ты помнишь, тоже понты пускал. И что?

– Ничего. А причем тут Миша?

– Да при том, что у него и активов было по горло, и людей прикормленных, и даже Дума, говорят, была проплачена. А толку-то? Где теперь твой Мишаня? Лес поехал валить? И еще неизвестно, как все закончится.

– Ты о чем сейчас? – в голосе Метлыкина послышались ироничные нотки. – Считаешь, по нам тоже Магадан плачет?

– Перестань, Коля. Плохо шутишь. Не смешно.

Метлыкин не нашелся, что ответить. В трубке улавливалось его тяжелое дыхание.

– Ну и что предлагаешь?

– А что тут предлагать, Николай Степанович? Я тебе прямо скажу: пытаться сдвинуть в какую-либо сторону результаты выборов – занятие откровенно бесперспективное.

– Уверен?

– Абсолютно. Второй раз, как в девяносто шестом, такое уже не прокатит. Реально изберут все равно его, слишком популярен в народе. Это любому ежу понятно, что бы там эти клоуны на площадях ни орал.

– А тема с фальсификациями?

– Да что фальсификации? Сколько они на выборах в Думу нарушений по всей стране накопили? Менее одного процента от общего числа? Ну, понятно же, что такая цифра ни на что повлиять не сможет. Они могут до потери пульса махать своими плакатами, но фактически имеем то, что имеем. Подавляющее большинство за него. Причем, реально за него, Коля. Я сам не понял, как это вышло, но в краткосрочной перспективе с этим сделать ничего не получится. Ну и какой смысл заводится с другим кандидатом? Деньги спустить на ветер?

– А может, все же, попробовать? Время-то еще есть...

– Да перестань, Коля. Я тебя прошу, перестань. Можно спорить с лозунгами, можно спорить с программой, но спорить с математикой... Ну это полная бессмыслица, честно. Короче, вот что я предлагаю: работаем себе дальше и ничего не предпринимаем. А там видно будет.

– Знаешь, Глеб... – Метлыкин замялся. – Ты только не обижайся, но...

– Ну, говори-говори, раз начал, чего испугался-то? – дружелюбно усмехнулся Хлоповский.

– Такое впечатление, что размяк ты, Глеб Альбертович, за последние пару лет, размяк. И это не только мое мнение, между прочим...

– Да не в этом дело, Николай Степанович. Не в этом дело. Просто когда ты всерьез говоришь о том, чтобы начать поддерживать кого-то из кандидатов, это оскорбляет мой интеллект, понимаешь? Есть цифры. Объективные цифры. Моя позиция, она, конечно, всегда очень гибкая, очень. Но не настолько гибкая, Коля. Не безгранично гибкая.

– Ясно, – вздохнул Метлыкин. – Я услышал все, что хотел. Добро. Но ты все равно, не пропадай там, ладно? Если что задумаешь обсудить, меня набери обязательно. Договорились?

– Конечно, Николай Степанович, конечно. Наберу, будь уверен.

Связь прервалась. Хлоповский положил телефон на стол, снова подошел к окну и, задумавшись, еще долгое время наблюдал за троицей охранниками, которые о чем-то вполголоса беседовали во дворе его шикарного дома.

Глава IV

Глава комитета по земельным ресурсам и землеустройству Сколкин Валерий Алексеевич стоял перед наполненными весами и пытался справиться с силами. Он, как мог, затягивал такую неприятную для него процедуру, как будто это могло на что-нибудь повлиять.

«Детский сад какой-то! – мысленно уговаривал сам себя Сколкин. – Чего тянуть время? Нужно побыстрее покончить с этим! Ну, давай же, смелее!»

Наконец, чиновник сделал глубокий вдох и решительно встал на весы. Стрелка послушно отозвалась, несколько раз дернулась и, постепенно успокаиваясь, остановилась напротив цифры «145». Валерий Алексеевич недоверчиво поморщился. Еще несколько секунд он внимательно наблюдал за циферблатом, чуть наклонившись вперед и стараясь не шевелиться. Но ничего не происходило. Стрелка безжалостно застыла напротив злополучной цифры и упрямо не хотела сдвигаться в меньшую сторону.

Сколкин сошел с весов на холодный пол, подошел к красивому зеркалу во всю стену роскошной ванной и с досадой осмотрел свое отражение. Сто сорок пять килограмм! Да быть такого не может! Еще каких-то два месяца назад было сто тридцать восемь!

Валерий Алексеевич нахмурился и упрямо сжал зубы. Он снял с руки дорогие часы и аккуратно положил их на мраморную столешницу. Вытащив из кармана пиджака телефон, чиновник небрежно бросил его рядом с часами и принялся энергично раздеваться. Сняв с себя всю одежду, он снова подошел к весам и аккуратно встал на них сначала одной, а потом и второй ногою. Стрелка мгновенно дернулась к противоположной стороне циферблата и, покачавшись, остановилась напротив цифры «143».

В этот момент раздался телефонный звонок. Валерий Алексеевич вздрогнул, поспешно вернулся к зеркалу, взял мобильник и нажал на кнопку ответа.

– Сколкин, – бросил он в трубку, а затем, несколько секунд внимательно послушав, добавил: – Ну так заходи в дом, Паша. Проходи прямо в мой кабинет и подожди там. Я сейчас буду.

Раздраженно покачав головою, чиновник начал торопливо одеваться. Приведя себя в порядок, он вышел из ванной комнаты и направился в рабочий кабинет, где его уже ждал коллега по работе.

– Ну, что там у тебя, Павел Максимович? – с порога спросил Сколкин, пожав протянутую ему руку и прикрывая за собою дверь для того, чтобы приглушить доносившиеся из кухни женские разговоры и детский смех.

Тот поставил на стол кожаный портфель средних размеров, открыл его и быстрым движением пододвинул к Валерию Алексеевичу.

– Здесь двести тысяч, как договаривались. Попросят решить наболевший вопрос как можно скорее.

Сколкин взял в руку пачку новеньких, хрустящих купюр, не спеша пролистнул ее, поднес к лицу и осторожно понюхал.

– Эти евро будто фантики какие-то, – усмехнувшись, произнес он. – Кто их вообще рисовал? Надо же было такое убожество придумать. То ли дело наши рубли, вот где красота и задумка мастера. В руках приятно держать. А в девяностых, помнишь, одно время были денежки? Не те, которые советские, а чуть позже выпускались, но все еще с портретом Ильича? Тогда еще двухсотрублевая купюра была в обиходе. Эх! Краше денег я в жизни не видел.

Его собеседник осторожно улыбнулся, но предпочел промолчать.

Валерий Алексеевич не торопясь принялся вынимать пачки банкнот из портфеля и складывать их сейф, стоявший напротив стола.

– Документы где? – закончив, безразлично спросил он.

– Вот, все здесь, – ответил Павел Максимович, поспешно протягивая Сколкину две тонкие непрозрачные папки. – Валерий Алексеевич, а вы... Вы точно уверены в результате? Я посмотрел кадастровый план, земля-то уже занята. Кроме того, это ведь самый центр и памятник рядом... Они же...

Он многозначительно пожал плечами и показал глазами наверх.

Сколкин взял бумаги и недовольно поморщился.

– Слышь, Паша, мы с тобою что, на рынке, что ли? Я же сказал, что берусь, значит берусь. Передай, что все нужные подписи и разрешения будут в течение месяца. Это ведь уже не твоя забота. Ты давай за обстановкой вокруг смотри, а в мои дела не суйся. Договорились?

Павел Максимович примирительно поднял вверх ладони и красноречиво кивнул.

– Ну, вот и славно, – Валерий Алексеевич поднялся, давая понять, что разговор окончен. – Все, мне пора.

Они попрощались. Павел Максимович, стараясь не шуметь, прошел ко входной двери, и через некоторое время снаружи донесся звук заведенного двигателя.

Сколкин закрыл сейф на ключ и внимательно прислушался к обрывкам веселой беседы, доносившейся до него из кухни. Он снял пиджак, небрежно бросил его на стул, погладил себя по животу и направился к своим девочкам.

За обеденным столом сидели и оживленно разговаривали жена Вера, две его маленькие дочурки – Настя и Катя и, конечно же, теща.

– О, я смотрю, у нас гости, – наиграно удивленно произнес Валерий Алексеевич, уважительно кивнув. – Добрый вечер, Наталья Ивановна.

– Привет, Валера, – доброжелательно улыбнулась теща в ответ. – Проходи скорее, садись, нам тебя не хватает.

Дочери повскакивали со своих мест и наперегонки бросились к отцу. Сколкин поспешно присел и подхватил их на руки.

– Ну что, ждали меня? – хитро поглядывая то на одну, то на другую, недоверчиво спросил он.

– Да-а-а-а! – улыбнулись и хором крикнули девочки.

– А вели себя хорошо?

– Да-а-а-а! – завизжали дочки, стараясь перекричать друг дружку.

– Мама на вас не ругалась?

– Не-е-е-т! – залились они в ответ громким смехом.

Супруга и теща смотрели на то, как он беседует с дочерьми и доброжелательно улыбались.

– Садись, Валер, – наконец, позвала его Вера. – Борщ будешь?

– А то! – Сколкин снова присел, отпустил девочек и легонько подтолкнул их к столу. – И побольше, Верунь! Есть хочу, умираю просто.

Валерий Алексеевич расположился во главе стола. Настя и Катя, снова усевшись на свои места по обе стороны от отца, наперебой принялись рассказывать ему, как прошел их сегодняшний день. Сколкин с интересом слушал и одобрительно кивал обоим, подбадривая наводящими вопросами. Время от времени он бросал короткие незаметные взгляды на экран телевизора, висевшего на стене слева от него, за спиной у Насти. По телевизору шла какая-то передача, но звук, как всегда, был уменьшен. Вере не нравилось, когда за столом приходилось повышать голос, перекиваясь друг друга. Валерий Алексеевич, поискав пульт глазами и обнаружив его среди столовых приборов, незаметным движением добавил громкости, так, чтобы телевизор было чуть слышно, и это не могло помешать беседам за ужином.

– Валера! – тут же с укором отреагировала супруга, подавая мужу глубокую тарелку с борщом. – Ну, ты же знаешь, я не люблю.

– Ну все, все, Вер, – примирительно попросил Сколкин. – Я немного, только для фона. Он не будет мешать.

Жена разочаровано кивнула головой, но спорить не стала.

– А я сегодня сложила цифры по порядку быстрее Настьки! – тем временем спешила похвастаться отцу Катя. – Пока она там возилась с десяткой, я уже дошла до пятнадцати.

– Клоун, – поджав губы, недовольно ответила Настя. – Тебе подсказывал клоун. Я видела!

Валерий Алексеевич, пытаясь сообразить, о чем речь, недоуменно пожал плечами и посмотрел на Веру.

– В центр отдыха, что ли, ездили? – вполголоса спросил он супругу.

Та, улыбаясь, кивнула.

– Никто мне не подсказывал! Хватит врать! – обиженно заголосила Катя. – Пап, не слушай ее, я все сама собирала, вот честное-пречестное слово!

– Тихо, тихо, ну, конечно, сама, – одобрительно улыбнулся Сколкин и, повернувшись к Насте, примирительно подмигнул дочери: – Настюш, ну не тебе же одной все время выигрывать. Так не бывает.

Он добавил в борщ соли, подул на ложку, попробовал и снова бросил взгляд в сторону телевизора.

– Эти ошибки, к сожалению, уже не исправить, так как время ушло, – еле слышно доносилось с экрана. – Но я хотел бы заверить всех граждан, которые отдадут за меня свой голос, что, в случае избрания меня на пост президента России, я возьму борьбу с коррупцией под свой личный контроль уже с мая месяца.

– Да ей помогали, пап, – довольно захихикала Настя. – Там клоун был в разноцветной одежде. Он ее пожалел, встал рядом и начал подсказывать.

Дочь громко рассмеялась, посмотрела сначала на отца, потом на мать и шутливо принялась грозить сестре пальцем:

– Я видела, я видела, я видела!

Сколкин перевел взгляд с экрана на девочек, сделал вид, что обдумывает какой-то важный вопрос и, наконец, изрек с видом ничего не понимавшего наблюдателя:

– Ну что ж, похоже, выхода нет. Чтобы выяснить, как было на самом деле, давайте спросим у мамы. Помогал Кате клоун или она сама победила?

Все четверо, вместе с тещей, с немым вопросом посмотрели на Веру. Настя победно улыбалась, а во взгляде Кати читалась искренняя детская надежда на поддержку.

Валерий Алексеевич, воспользовавшись паузой, снова взглянул за спину одной из дочерей.

– Это будет совершенно новый подход, совершенно новые, чрезвычайные меры, – уверенно и спокойно говорил человек с экрана. – И в эффективности этих мер вы все сможете убедиться достаточно быстро. Я даю своим избирателям слово, что через год, максимум два, коррупции у нас в стране практически не останется.

Тем временем Вера очень внимательно посмотрела на Катю, чуть прищурила глаза и твердо сказала:

– Со всей уверенностью могу утверждать, что моей младшей дочери никто не помогал. Она все сделала сама. Клоун просто молча стоял с нею рядом и наблюдал за игрой.

Лицо Кати озарилось счастливой улыбкой. Заручившись поддержкой матери, она с победой посмотрела на сестру:

– Вот так-то!

– Они сговорились! – шутливо возмутилась Настя, обращаясь к отцу. – Пап, не верь, там был клоун, и он подсказывал. Я сама видела. Пап! Пап, ты слышишь?

Сколкин, неохотно оторвавшись от телевизора, быстро сориентировался, демонстративно пожал плечами и сделал жест, показывая, что больше склонен верить другой стороне.

– Ладно, – наконец сдалась Настя, примирительно улыбнувшись сестре. – Может, и правда мне показалось. В следующий раз посмотрим, кто кого.

Катя с благодарностью вздохнула в ответ.

– А еще мы сегодня катались на карусели с пчелками, – через секунду завершала она, обращаясь к отцу. – И ели мороженое! Все вместе!

– А потом тянули канат с пиратом! – перебив ее, громко крикнула Настя. – И выиграли!

– О как, – наигранно удивился Сколкин и по очереди погладил дочек по голове. – Я смотрю, вы времени не теряете, молодцы!

Он незаметно взял пульт и чуть-чуть добавил громкости в телевизоре. Жена, проследив его движение, сделала укоризненный жест.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.